

УДК 124.6 + 930.1

Б.М. Лепешко**СУДЬБА И ЕЁ СМЫСЛ В ИСТОРИИ**

В статье рассматривается категория «судьба» в системе исторического знания. Анализируются рационалистические и метафизические основания данного понятия. Обращено внимание на мистический контекст проблемы. Приведены примеры, характеризующие степень и уровень решения вопроса в рамках отечественной историософии. Проведена параллель между пониманием категории судьбы и характером национальной идеи. Высказаны идеи о различном понимании сущности данной категории со стороны современных философских школ.

Понятие «судьба» – пария среди категорий отечественной философии и тем более отечественной истории. Рационалисты, эмпирики разных эпох, позитивисты, марксисты последних двух столетий упоминали про судьбу разве что тогда, когда надо было критиковать теоретические ошибки, недостатки того или иного типа мышления. До эпохи постмодерна, предложившей новую парадигму знания, судьбе противопоставлялся факт, «чистая» рациональность, причинность, детерминизм и, в итоге, торжество закона. Судьба – это символ непонятного, даже мистического, поэтому нет ничего странного, что строгое (сугубо рациональное) мышление всегда испытывало дискомфорт при обращении к этой дефиниции. Да и как назвать судьбу дефиницией, ведь даже для этого до сих пор нужна определённая теоретическая смелость. Судьбе как искусству вне-рационального понимания, предвидения, предопределения, предчувствования противопоставлялось мышление, основанное на строгом следовании законам логики, мышление, системное по своему характеру, сциентистское по сути, великими представителями которого были, например, И. Кант, Г.-В.-Ф. Гегель, Ф. Шеллинг. Однако в гносеологическом процессе всегда присутствовало строгое мышление, и было чувство, имели место ясные и внятные определения, и неподдающиеся описанию внутренние закономерности. Была рассудочность, законосообразность и было художество, творчество. Причём это касалось не только эстетической сферы, но и всех гуманитарных наук. И, как афористично заметил О. Шпенглер, «человек, подобный Канту, всегда будет чувствовать своё превосходство над Бетховеном, как взрослый над ребёнком, что не помешает, однако, Бетховену отвергнуть «Критику чистого разума» как убогий способ мировоззрения» [1, с. 176–77].

Особую роль понятие «судьба» всегда играло в истории. Синонимами судьбы был исторический фатализм, понимание того, что судьба людей и народов решается на небесах, что есть, существует некий фатум (рок, Немезида у античного человека; кismet у арабов), который не просто туманное предчувствие, но и некая реальность, часто грозная. Особенно это проявлялось в эпохи, переломные по своему характеру, когда ломался общий строй рационалистических, всё объясняющих рассуждений, когда было непонятно, почему вдруг падали, как глиняные истуканы, империи, ранее казавшиеся незыблемыми, почему над ещё вчера могучей цивилизацией торжествовали варвары и уходили в прошлое могучие государства. Вспомним, как до сих пор объясняют гибель СССР: ведь, по сути, вновь звучит апелляция к судьбе. То есть у всех известных империй такая судьба, все погибли, все ушли в никуда, почему у Советского Союза должно быть иное предначертание? Говорят ведь не только о продажности элит, экономических трудностях, политических ошибках, происках могущественных врагов, но и о судьбе. А ведь как чётко в том же «позднем» СССР был расписан «объективный» ход истории, как ясно и доказательно звучали аргументы о неизбежности «просто» социализма, затем социализма «развитого», а в качестве итога – торжество светлого комму-

нистического завтра. И где этот рационализм ныне, чего вдруг «забуксовали» объективные законы истории?

Такого рода подход основывается на известной традиции. Скажем, Блаженный Августин, потрясённый гибелью античного Рима, пишет ряд книг, в которых пытается найти объяснение происходящему и, как следствие, рождается новая концепция мировой истории, христианская по сути, но идея судьбы, предопределения здесь звучит достаточно недвусмысленно. В иную историческую эпоху Василий Розанов в своих работах говорит о судьбе как о той фатальной неизбежности, которая сопровождает как отдельного человека, так и целые народы. Он не ищет ясных объяснений, да и как их можно найти в ситуации, когда человеческий ум не может осознать сути происходящего. Причём судьба сопровождает не только каждого человека, но и народ, нацию. Автор «Уединённого» писал: «Национальность для каждой нации есть рок её, судьба её, может быть, даже и чёрная. Судьба в её силе. От судьбы не уйдёшь. И из «оков народа» тоже не уйдёшь» [2, с. 140]. Вот и от революции 1917 г. «уйти» не удалось. Причём – если брать рационалистический контекст – существовало ясное и чёткое понимание ситуации, соотношения противоборствующих сил, были «программы», как, скажем, у профессора Победоносцева или у премьера Столыпина, а вот поди ж ты: грянуло и в программы не заглянуло.

Но если это так, то о каких исторических законах мы можем вести речь, ведь закон – это констатация всеобщих и объективных связей, констатация повторяемости основных закономерностей, это возможность верификации, экспериментального подтверждения основных выводов. То есть возникает старая, уходящая в глубь XIX в. проблема о принципиальных различиях между науками о природе и науками об обществе (Г. Риккерт, В. Дильтей, В. Виндельбанд). Это у «физиков» строгая наука, а у историков, философов понимание исторического прошлого должно быть «завязано» на понятии искусства, творчества, судьбы. Помнится, был такой интересный аргумент в этом споре, когда реальном, когда виртуальном. Пока «физик» занимается своим непосредственным предметом исследования, он на твёрдой почве непреложных фактов, рационалистического объяснения происходящего, он экспериментирует и проверяет свои данные. Но как только он пытается написать очерк развития своей собственной науки, описать путь физики, то сталкивается с теми же проблемами, которые присущи истории. То есть ответить на вопрос, почему именно сейчас, в эту эпоху рождена та или иная идея, почему именно в данной стране появился на свет великий преобразователь, почему яблоко, грубо говоря, упало на голову именно Ньютону и именно Архимед полез в легендарную ванну, ответить, оставаясь на почве исключительно рационализма достаточно сложно. Здесь на первый план выдвигается не некий логический принцип, а идея, которую сложно определить в рамках аристотелевской силлогистики, её можно только чувствовать и внутренне переживать, эту идею можно не понимать в привычных категориях, но тем не менее быть убеждённым в её достоверности.

Чтобы убедиться в этом, достаточно вспомнить примеры, говорящие о всесиилии идеи. В нашей недавней истории – это, например, коммунистическая идея, не модная ныне, пока остающаяся в прошлом вместе с идеологией, её родившей. Но сложно отрицать внерационалистическую заданность этой идеи, причём именно ту заданность, которая реально «двигала горы». Кто и как мог рационалистически объяснить и растолковать суть этой идеи? Кстати, все теоретические попытки это сделать в итоге выхолили суть идеала и в каком-то смысле стали признаком краха. Парадокс: когда не могли рационалистически объяснить суть идеала, идея жила; как только она получила развёрнутое отражение и обоснование в разного рода «программах», в том числе «развитых», идея умерла. Но речь, конечно, не только о коммунистических взглядах. Вот обратимся к идее евроинтеграции, столь популярной, например, сегодня на Украине. Не-

сложно заметить: здесь есть рациональный ход мыслей, а есть чувство, идея. Рационалистически всё можно объяснить: и то, что Таможенный союз предпочтительнее иных объединений, и то, что экономическая выгода в этом случае намного существеннее призрачных преимуществ от ассоциации с Евросоюзом, который и сам, к слову, испытывает серьёзные финансовые, иные сложности. И вместе с тем идея евроинтеграции не исчерпала себя, она будоражит умы, её воспринимают так, как социалисты XIX в. воспринимали идеи Р. Оуэна, Ш. Фурье, Н. Чернышевского. То есть как теоретическую и практическую новацию, не имеющую прецедентов на отечественной почве. В неё хотя и верят, как верят в новую данность, иной выход, принципиально новый путь. У идеи есть свой ресурс, она живёт и погибает точно так же, как живой организм и потому возражать идее трудно, даже невозможно, путём насильственных действий; идее можно противопоставить только более сильную, более мощную и более «живую» идею. Впрочем, это уже иная тема.

Получается, каждая культура, каждый народ имеет свою судьбу, свою идею, которую в этом случае часто называют национальной идеей. Ведь что такое национальная идея, как не предчувствование своей собственной судьбы, понимание тех перспектив, которые открываются перед народом и желание следовать своей судьбе. К слову, известные слова К. Маркса о свободе, которая есть познанная необходимость, в каком-то смысле перекликаются с таким пониманием судьбы личности и народа. Попробовать узнать, сформулировать национальную идею и действовать в соответствии с ней – чем не попытка всё же принять и осознать то, что называется судьбой? Немецкая нация эпохи Отто фон Бисмарка осознала свою судьбу быть единой нацией, и то, что это единство достигалось «железом и кровью», никого не остановило. Ф. Тютчев, возражавший именно против такого «железного» выбора национального пути, ратовал за «любовь» и полагал, что только таким образом Россия может достичь своих национальных идеалов. Можно спорить о характере известных событий последнего времени, связанных с присоединением Крыма к России, но нельзя не заметить того, что этот процесс национальный по сути, и апелляции к судьбе играли здесь не последнюю роль. «Наша судьба – быть вместе» было написано на многих лозунгах этой поры (весна 2014 г.) и воспринималось нацией (российской) как реализация не только понятных и ясных рационалистических аргументов, но и в контексте метафизического единства страны. Воссоединение Крыма с Россией чувствовалось, понималось у наших восточных соседей не только в геополитическом контексте – речь шла о реализации таким образом понятой национальной идеи. Отсюда, кстати, такой высокий рейтинг президента В. Путина, поддержка абсолютным большинством населения его объединительных усилий, несмотря на жёсткое противоборство со стороны стран Запада, США. Та эйфория, которая имела место в российском обществе, понятна и обоснованна: речь идёт не только о решении судьбоносных задач, но и о единстве нации, чувстве собственного достоинства, о том факте, что череда унижительных поражений (начиная с 80-х гг. прошлого века) сменилась важной и впечатляющей победой.

Заметьте, как долго и мучительно процесс осознания собственной судьбы (и в этом контексте осознание национальной идеи) проходит у нас в стране. В этом нет ничего странного, поскольку это не только процесс озарения, интуиции, но и следствие напряжённой работы всей нации. Ведь О. Бисмарк в Германии должен был появиться, и он появился после И. Гёте, Ф. Шиллера, И. Канта и Г.-В.-Ф. Гегеля. Фёдор Тютчев с его прозорливыми философскими откровениями в стихах мог появиться только после П. Чадаева, А. Хомякова и, конечно же, А. Пушкина, Вл. Соловьёва. Вообще, осознание судьбы (национальной идеи, хотя это, конечно же, не тождественные понятия) есть следствие напряжённой работы нации, работы исторической, духовной, интеллектуальной. Хотя если задаться простым вопросом: а как определить судьбу Беларуси, то ответ не

столь ясен и понятен, как, например, у наших восточных соседей. Быть неким «мостом» между Востоком и Западом? Обеспечить цивилизационное единство двух различных систем миропонимания, религиозного чувства? Не есть ли здесь некая ущербность, некая искусственность и заданность? Скорее всего, речь сегодня идёт лишь о поисках такого рода идеальной мыслительной модели и соответствующей линии поведения. Да и может ли воодушевить всю нацию осознание того факта, что она есть некий «мост»? Сомневаюсь в этом.

Особую роль в понимании характера судьбы в истории сыграли труды Н. Бердяева. Слово «судьба» в его работах повторяется многократно: судьба России, судьба эпохи, судьба Европы, судьба цивилизации и т.д. Иначе и быть не может: «История есть прежде всего судьба и должна быть осмыслена как судьба, как трагическая судьба» [3, с. 161]. В это замечание вкладывается двоякий смысл. Во-первых, судьба человека, нации неразрешима в пределах собственно истории, это метафизический процесс: чтобы понять судьбу, надо заглянуть «за горизонт». Отсюда высший смысл истории, связанный с присутствием некоего высшего смысла, высшей цели, высшего предназначения. Во-вторых, история трагична, потому что она будет, обязана иметь завершение, конец. Этот посыл связан с пониманием неизбежности апокалипсиса, неизбежности завершения земного пути людей и народов. Представить иную точку зрения у такого христианского мыслителя, как Н. Бердяев, сложно. Если ты принимаешь Откровение, принимаешь Христа, то ты принимаешь и страшный суд – здесь альтернатив нет. Но основания такого подхода не только теологические, сугубо христианские. Дело в том, что в исторической судьбе человечества, в исторической судьбе конкретного человека, в сущности, всё не удалось, не удался ни один замысел, ни одну идею не удалось довести до конца. Скажем, революции во имя свободы и братства, равенства заканчивались новым неравенством и новым качеством вражды. Ренессанс провозгласил гуманистические идеалы, но чем закончилось движение к идеалам, что человечество получило вместо этих светлых возрожденческих идеалов? Социалистические идеи, великие в своей простоте и ясности, ведь так и не превратились в заявленные идеалы, не добились реализации ни одной из поставленных проблем, и мы сегодня, в XXI в. переживаем ещё одно разочарование по этому поводу. Да и, например, идеалы перестройки горбачёвского периода: что говорилось, и что имеем? Видимо, нет смысла продолжать, понятно: пессимизм правит бал, поставленные задачи ни одним поколением, ни одним государством не были решены в том объёме (или даже частично), как это провозглашалось. И отсюда естественный вывод: решить эти проблемы можно только вне земной истории – это посыл всей христианской философии истории, позиция Н. Бердяева, в частности. Кстати, здесь есть контраргумент известного свойства: так ведь и дело Христа не имело и не имеет логического завершения в реальной истории. Да, отвечает русский мыслитель, это верно, поэтому и заходит речь о конце истории и её метафизическом характере.

В замечательной работе «Дух и реальность» Н.А. Бердяев, говоря о «новой духовности» и рассуждая о характере нашего познания истории, заметил: «Я имею в виду историю как тайну существования, как судьбу». История тогда имеет смысл, когда дух, духовное существование имеет историческое существование. История не может в принципе быть «замкнута» исключительно на материальных факторах. Почему? Да потому хотя бы, что человек есть тайна, появление его в мире есть тайна, его уход есть тайна. Скажем, к примеру, что современный христианский мыслитель П. Тиллих ввёл специальное понятие «кайрос», обозначая им событие, находящееся и внутри, и вне истории; это точка, в которой история прорывается к своей надвременной основе. Другими словами, попытки рационализации истории (сугубой рационализации) бессмысленны постольку, поскольку история сама по себе есть тайна и не может быть понята (обоснова-

на, раз'яснена) только с помощью умствований в рамках классической рационалистической традиции. Собственно, аргументами здесь выступают два основных фактора: кризис рационалистических методологий (в историческом аспекте) и констатация того, что и ныне приемлемых доктрин методологического характера у нас нет. О втором факторе мы уже не раз упоминали; что же касается первого, то достаточно вспомнить судьбу учения К. Маркса, восходящего к гегельянству.

Говоря о судьбе во вневременном контексте, мы неизбежно должны говорить о мистике, возможностях мистического понимания истории. Лев Шестов, известный российский философ, размышляя на эту тему, считал, что в мистике как своего рода теории познания нет ничего немислимого. Он писал так: «Я принуждён снова повторить, что всё, что угодно может произойти из всего, что угодно, что А может не равняться А и что логика, следовательно, обязана своей достоверностью эмпирически наблюдаемому закону сравнительной неизменности существующих вне нас вещей. Допустите возможность сверхъестественного вмешательства, и логика растеряет столь привлекающие умы несомненность и обязательность своих выводов» [4, с. 109]. Язык мистики парадоксален, это не язык понятий, здесь не работают законы тождества, противоречия, достаточного основания. Мистику вообще выразить привычным строем слов невозможно. Но это вовсе не означает, что мистика – это нечто запредельное и невыразимое, тайнами знания которой обладают лишь избранные пророки. «Мистика есть пробуждение духовного человека, который видит реальности лучше и острее, чем человек природный или душевный» – это уже позиция Н. Бердяева [5, с. 132]. Не имея возможности развить эту глубокую и сложную тему, поставим лишь один вопрос: а как же связана история с мистикой и связана ли вообще?

Ответ здесь достаточно прозрачен: всё зависит от методологических констант, от выбора теоретических оснований эмпирического исследования. Профессиональные историки, как правило, не понимают и не признают мистических оснований своей профессии. Историки стремятся к факту, хотя есть осознание и того, что сам факт должен быть обоснован и соответствующим образом интерпретирован. Здесь можно говорить не столько о конкретно-исторических исследованиях, сколько о философии истории, о вариантах рассмотрения философских оснований исторического процесса. Вот, например, известный мыслитель К. Леонтьев, пишет так: «Мистицизм (т.е. расположение веровать в нечто таинственное, выше видимого мира и выше нашего разума стоящее) до того теперь нужен человечеству, что не только мистицизм какого бы то ни было христианского оттенка приносит пользу, отвлекая ум от господствующей утилитарной пошлости и мелочной практичности нашей, но даже и всякий мистицизм – мусульманский, буддийский, индивидуально-спиритуалистический и т.д.» [6, с. 238]. Здесь особо хотелось бы обратить внимание на протест против «утилитарной пошлости». Т.е. мистические откровения могут быть востребованы прежде всего в качестве постановки высшей цели, придания историческому процессу смысла, пусть даже кто-то не соглашается с конкретными проявлениями, характеристиками этой цели и этого смысла. На первом месте именно смысл, а не прагматическое желание что-либо обосновать исходя из общественного, иного заказа. Мне представляется очень важной именно такая постановка вопроса. Дело в том, что сегодня решение многих важных исторических проблем не одухотворено постановкой задач более высокого порядка. То есть зачем исследуется та или иная проблема, какой эффект, кроме сугубо прагматического, здесь может последовать, часто неясно. Можно сколько угодно иронизировать, но перед советскими исследователями стояли не только узкоутилитарные задачи, но и цели более высокого порядка. Да, господствовал формализм, «высшие цели» могли не разделяться, но было понимание и иного: есть что-то более высокого порядка, нежели, например, «просто» феодальные отношения и «просто» капиталистическая эксплуатация.

У представителей отечественных мыслителей «серебряного века» эта проблема решалась достаточно просто: пониманием христианской судьбы страны, возможности развития и процветания исключительно в рамках христианского мировоззрения и миропонимания. Достаточно вспомнить ключевые имена (Л. Толстой, Ф. Достоевский, А. Хомяков, К. Аксаков, В. Соловьёв, А. Ильин, Н. Бердяев, П. Флоренский, десятки иных), чтобы убедиться: высшая цель присутствовала, было понимание неизбежности определённой судьбы (страны, Европы, мира). К слову, это нисколько не мешало быть и доказательным, и убедительным (рациональным). Зачем было, скажем, «западнику», «европейцу» Владимиру Соловьёву постоянно говорить о судьбе и на полном серьёзе описывать свои мистические потрясения («когда я переплывал через Босфор, на меня в каюте напал чёрт и стал душить»)? Эпатаж исключается, серьёзность и основательность этого выдающегося философского систематика сомнений не вызывает. Зачем «предвидеть» судьбу страны (в «Трёх разговорах о конце истории»), предвещая ей потрясения и даже гибель? Очевидно, простой ссылкой на «нездоровый интерес к теме» или «объективный идеализм» здесь не ограничишься. Мистицизм в данном контексте означал несколько вещей: во-первых, понимание ограниченности человеческого (рационального) знания, понимание недостаточности наших знаний о сути исторического, не говоря уже о возможности прогностического характера на основе сугубо логики. И, во-вторых, убеждение в том, что нет ничего более убедительного, кроме христианской историософии, которая помогла бы понять суть исторического, смысл истории, осознать судьбу нации, исторические перспективы да и вообще дала бы некий «вечный» ориентир. Причём не надо забывать: мистические откровения тем же Владимиром Соловьёвым воспринимались совершенно серьёзно, в них не было сомнений, несмотря на всю рационалистическую подготовку и юношеский максимализм, когда мыслитель выбросил из комнаты иконы.

«Нерв» этих замечаний очевиден: судьба всегда предполагает понимание тех перспектив развития исторического, которые человеческий разум не в силах осознать и понять во всей глубине и всесторонности. История – это та тайна, которую не разгадать с помощью исключительно рационалистического инструментария. Неудовлетворённость имеющимися вариантами решения проблемы (позитивистскими, марксистскими, иными) вызывало к жизни многочисленные спекуляции идеалистического, мистического толка. Надо привыкать к мысли о вечной тайне истории, которую исключительно рационалистическими способами не решить. Мы привыкли повторять: если я знаю, что знаю мало, то я добьюсь того, чтобы знать больше – и вкладывали традиционно внетафизический смысл в эту фразу. Но её границы надо расширить, допуская возможность иных способов познания.

Что здесь ещё важно отметить: современные, прежде всего постмодернистские толкования понятия «судьбы» фактически смыкаются с позитивистскими, марксистскими толкованиями, правда, на принципиально иной философской основе. То есть если сциентистские парадигмы знания XIX в. отказывали судьбе, мистике в праве на жизнь с позиций естественно-материалистического мировоззрения, то постмодернистские авторы приходят к такому же выводу в результате разрушения целостности человека. Но если нет такой целостности, то нет и целостной (в частности, христианской) судьбы. Должна быть разрушена и христианская историософия. В этой связи достаточно интересно и, может быть, неожиданно кратко вспомнить некоторые элементы художественного творчества П. Пикассо. Великий испанец, рисуя портреты, в начале разрушал привычные образы, что называется, «разделял» людей на составные части и затем перекомпоновывал их. И дело здесь вовсе не в том, что он их так «видел». Это был принципиально новый образ, соответствующий новому миру: пусть дискомфортный, нестандартный, непривычный. Реальные куски металлолома, предметы кухонной утвари

ри, прочую массу вещей Пикассо, как пишет один из его биографов, «наделял совершенно новой индивидуальностью». При этом «следы их происхождения оставались наглядно видимыми как свидетельство чудесной трансформации, ставшей делом рук подлинного кудесника и мага» [7, с. 418]. Здесь, конечно, можно о многом поспорить, например, о сути и характере этого чуда, но для нас главное иное: художник творит новую реальность, он фактически творит новую судьбу предметов, личностей, объектов своего творчества. В этом принципиальная особенность постмодернистского толкования судьбы и факт его «смыкания» с теориями прошлых веков. Если для христианских мыслителей судьба данность, а уровень и характер влияния человека на судьбу может различаться (в разных христианских конфессиях), то для постмодернистов судьбы нет, есть лишь свободное творчество, есть формирование новых сущностей, к числу которых относится и сама судьба. Конечно, П. Пикассо никогда не заявлял о своих постмодернистских предпочтениях, более того, у него много работ реалистических по сути, но нерв его творчества, его суть не позволяет сделать иного вывода.

Величайший кризис культуры, который мы сегодня переживаем, как раз связан не только с атакой на рационалистические ценности, но и падением престижа ценностей метафизического характера. К тому, что возможности человеческого разума могут быть подвергнуты обструкции, мы уже привыкли. Теперь нам приходится привыкать и к тому, что обструкции подвергаются метафизические ценности – та же судьба. Да разве об одной судьбе речь. Наверное, рационалисты и метафизики увлеклись интеллектуальным соперничеством и не заметили, как сформировался новый и могущественный оппонент, пытающийся не оставить камня на камне и от одного течения мысли, и от другого. Судьба – это целостность, это система, это понимание смыслового единства. Ей ныне противопоставляется разобщённость, полифония смыслов, пресловутый плюрализм, который на деле есть не что иное, как ширма для манипуляторов общественным сознанием.

Завершая разговор, необходимо хотя бы кратко ответить на такой вопрос: что нам даёт обращение к теме судьбы, можем ли мы иметь какие-либо практические результаты в случае её вовлечения в гносеологический оборот? Достаточно вспомнить уже имеющийся эвристический опыт для того, чтобы заметить важность такого подхода. Исторически – это непрерывный, на протяжении уже нескольких столетий спор западников и славянофилов (в различных смысловых транскрипциях) о судьбе России, восточного славянства в целом. Назвать его (спор) бесполезным нельзя: выкристаллизовались важные и актуальные идеи, сформировались школы, обозначились политические, мировоззренческие лагеря, сформировалась интеллектуальная элита, начиная от Петра Чаадаева, Алексея Хомякова и Александра Герцена. Кроме этого, споры о судьбе (личности, нации, государства) способствовали осознанию собственных интересов, обратили внимание на феномен ментальности, способствовали глубокой связи между явлениями психологического, интеллектуального, метафизического характера. И когда сегодня мы говорим о судьбе белорусского народа, белорусской нации, мы понимаем и осознаём несколько важных вещей. Во-первых, существует ясность, что это наша персональная судьба, связанная с конкретными фактами, событиями кровавой и беспощадной национальной истории. Она именно такая, и другой быть не может. Во-вторых, уже тот факт, что, несмотря на жёсткие испытания, нация сохранилась в истории, более того, сделала в последнее столетие очень важный, существенный шаг вперёд, говорит не только о реальных достижениях конкретного поколения людей. Речь здесь идёт и о накоплении национальной энергии, её реализации в ясных и понятных государственных формах. Можно называть это «логикой истории», а можно метафизикой, судьбой. Суть дела это не меняет. И третье. Судьба – это ведь не только абстрактная данность, которую можно связывать с предопределением, вмешательством Бога в историю. Судь-

ба – это и наше собственное понимание тех ценностей, которые являются определяющими для абсолютного большинства нации. Это то, что называется свободой воли и стремлением реализовать принципы этой свободы в рамках конкретного социума. Здесь достаточно непростая диалектика, да, диалектика, о которой до сих пор спорят и будут спорить, здесь, в этой части, альтернативы иной нет. Потому что судьба, как и история, – тайна, которую человечество будет разгадывать ровно столько, сколько будет существовать.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шпенглер, О. Закат Европы: очерки морфологии мировой истории. Т. 1. Образ и действительность / О. Шпенглер. – Минск : Попурри, 2009. – 656 с.
2. Розанов, В.В. Избранное / В.В. Розанов. – Мюнхен, 1970. – 567 с.
3. Бердяев, Н.А. Смысл истории / Н.А. Бердяев. – М. : Мысль, 1990. – 175 с.
4. Шестов, Л. Апофеоз беспочвенности. Опыт адогматического мышления / Л. Шестов. – Л. : Изд-во Ленинград. ун-та, 1991. – 215 с.
5. Бердяев, Н.А. Дух и реальность / Н.А. Бердяев. – Минск : Изд-во Белорус. экзархата, 2011. – 512 с.
6. Леонтьев, К.Н. Храм и церковь / К.Н. Леонтьев. – Минск : Изд-во Белорус. экзархата, 2011. – 480 с.
7. Пенроуз, Р. Пикассо: жизнь и творчество / Р. Пенроуз. – Минск : Попурри, 2005. – 864 с.

Lepeshko B.M. Fate and its Meaning in the History

The category of «fate» in the system of historical knowledge is examined in the article. Rational and metaphysical foundations of the concept are analyzed. Attention is drawn to the mystical context of the problem. Examples are given to characterize the extent and level of the matter in the framework of the national philosophy of history. Interpretation of the category of «fate» and essence of the national idea are compared. The idea of a various understanding of the nature of this category by the modern philosophical concepts is expressed.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 24.03.2014